

ЛИДИЯ СЫЧЁВА

РОССИЯ: ОТ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА К ПОСТГУМАНИЗМУ

“Эх, хорошо в стране советской жить!..” – будило по утрам задорно-оптимистичное радио “Пионерская зорька”. Бодрые физкультурники на полотнах Дейнеки, роскошь подземных дворцов Московского метро, счастливая улыбка Гагарина, День Победы со слезами на глазах, Сергей Капица с “Очевидным – невероятным”, наши “золотые” олимпийцы на пьедестале почёта, фильм “Большая перемена” про вечернюю школу, где учатся рабочие, – и ещё сотни примет нормальной, счастливой жизни.

Современная Россия вбухивает миллиарды долларов в улучшение внешнего имиджа, но пока данное “самовздутие” не помогает. А вот у Советского Союза авторитет на международной арене был безусловный. Конечно, для кого-то мы являлись “империей зла”, “исчадием ада”, “тоталитарной страной”, “душителем свобод”, но то, что СССР – суверенная держава, было очевидным.

Страна Советов создала собственную, независимую от мировых центров, финансовую систему. Мы хорошо вооружены – есть атомная бомба, водородная (“кузькина мать”, как называл её Хрущев). Наша экономика основана на принципах вертикальной интеграции – эффективного способа хозяйствования. Много средств тратится на научные изыскания, массовое образование, высокую культуру.

И вдруг всё рушится. Без особого вмешательства извне, по крайней мере, на начальном этапе. Советская власть, казавшаяся незыблемой, продержалась семьдесят лет. Не спасли её ни оптимистическая культура, ни грозная армия, ни идеологическая монолитность, ни самодостаточная экономика, ни железный занавес.

Почему? Вопрос интересный. “Союз нерушимый”, несмотря на многолетнюю пропаганду дружбы народов, развалился на национальные образования, где тотчас вспыхнули претензии к “старшему брату” (исключением стала только Белоруссия).

В одном из детских садов Швеции недавно отменили пол – мальчикам и девочкам затуманивают голову, обращаясь к ним в среднем роде. Местоимение “оно” необходимо воспитателям для демонстрации гендерного равенства. Недостатки, как известно, есть продолжение наших достоинств – вот до чего может довести скрещивание евросоциализма и теории прав человека! В СССР, воспитывая “новую историческую общность – советский народ”, фактически попытались отменить национальность. Идея чем-то (извините) похожа на шведское безумие: преобразователи мира замахнулись на саму природу, которая создала пол и расу. В ближайшем будущем “отменить” эти две сущности, скорее всего, не получится. Так что боритесь с ними – плевать против ветра.

А вот советская власть — пробовала. Хорош ли, плох русский народ, но именно он построил Российскую империю. В начале XX века Николай II управлял аграрной страной, финансово и промышленно зависимой от Запада. Правда, у России был один существенный козырь: бурный рост населения. В предшествующие революции годы мы обгоняли по этому показателю всю тогдашнюю великолепную четверку — Англию, Германию, Италию и Францию. Абсолютными лидерами по рождаемости в Российской империи являлись казачьи земли: Область Войска Донского, Астраханская, Таврическая, Екатеринославская, Оренбургская губернии.

Вряд ли демографический бум вызывал прилив нежных чувств у наших соседей. (Мы ведь тоже от китайской плодовитости не в восторге.) Но тут подоспели Первая мировая, революция и Гражданская война, они-то и решили кардинально “русский вопрос” — иных уж нет, а те “далече”, т. е. в эмиграции. Политика расказачивания прикончила демографический потенциал этой сословной группы. Позже выяснилось, что гораздо легче снять фильм “Кубанские казаки” (хотя нынешним киношникам и это не под силу), чем побудить людей создавать крепкие семьи и рожать детей. Роман “Тихий Дон”, кстати, абсолютно антитроцкистское произведение. Известно, что “великий революционер” называл казачество “зоологической средой” и говорил о необходимости поголовного уничтожения данного сословия.

Но вот уж и троцкизм побеждён, и о перманентной революции ни слова, и социализм мы взялись строить в отдельно взятой стране. Прекрасно! Что же мы видим? В 1959 году население СССР — 208 млн человек. Спустя сорок лет уже 286 млн. Казалось бы, значительный рост! Но кто нам его дал?

Русских в структуре населения СССР в 1989 году — 145 млн. При этом количество людей с высшим и средним образованием на тысячу человек в РСФСР — 425. Это меньше, чем в целом по стране (439). А кто же у нас в вундеркиндах? Узбекская ССР — 513, Грузинская ССР — 576, Азербайджанская ССР — 501. Чудеса: даже киргизы (465) и туркмены (456) больше стремились к знаниям, чем русские!

В РСФСР средний размер семьи — 3,2 человека, при том, что свой вклад в повышение этой цифры вносили демографически активные жители Северного Кавказа, входившие в состав республики. Так, чеченцы и ингуши численность своих народов за годы советской власти увеличили втрое. В Таджикистане средний размер семьи — 6,1, в Туркмении — 5,6, в Киргизии — 4,7, в Азербайджане — 4,8, в Узбекистане — 5,5, в Армении — 4,7, в Грузии — 4,1 и т. д.

Вот вам и ответ на вопрос: кому на Руси жить хорошо. Пока славянское население работало, воевало, строило (на воле и в ГУЛаге), осваивало целину, БАМ, нефтегазовые месторождения и пр., в нашем замечательном интернациональном государстве другие народы растили детей, получали образование, бесплатную медицинскую помощь и прочие радости социализма. В 1980-м, весьма благополучном для нашей страны, в таких русских областях, как Новгородская, Псковская, Рязанская, Тверская, Тульская, Курская, Тамбовская, Орловская, да и во всём Центральном Черноземье — отрицательные цифры прироста населения. До распада СССР — почти десять лет!

Странные люди эти русские! “Высокие темпы роста населения в союзных республиках, которые были угнетаемыми окраинами царской России, — яркое свидетельство правильности ленинской национальной политики, обеспечивающей широкие возможности для всестороннего развития экономики и культуры всех народов”, — рапортовали партийные пропагандисты. Извините, а низкая рождаемость и низкий уровень образования среди славянского населения — это свидетельство чего?!

Русский народ, с преобладанием к концу XX века в структуре населения женщин, пожилых и больных граждан, отягощенный множеством обязательств — перед другими республиками, соцлагерем, движением неприсоединения, лишенный духовной поддержки — вера в Бога “отменена”, а “прогрессивная” интеллигенция ищет счастья и признания на Западе, просто не выдержал взваленного на него интернационального груза. Атлант рухнул, и ноша его, красная советская империя, разлетелась вдребезги.

Равнодушие к собственной социальной и политической судьбе свойственно тяжело больным народам. В момент распада страны русские даже не боролись за права соотечественников в бывших совреспубликах или за свои исконные территории, такие, как Северный Казахстан.

До нынешнего года Россия ничего не сделала для русских на Украине за 23 постсоветских года. (В России-то и собственный народ брошен на растерзание олигархии!) Вина Москвы – в передаче Украине Крыма, в отделении Украины, в развале СССР – огромна. “Оттепельный” Никита Хрущев породил то, что продолжили “демократичный” Михаил Горбачёв и похмельный Борис Ельцин.

Очевидно, что разрушать Россию, когда такая необходимость возникнет, будут по уже опробованному в СССР сценарию. А именно: демографическое ослабление русских – экономическое и культурное укрепление других народов – провоцирование национальных или религиозных конфликтов – распад страны.

Надежд на то, что русский народ одумается и возьмёт в руки свою судьбу, немного: ситуация надёжно контролируется на самом высоком уровне – посредством телевизионных сигналов и политических действий. Спасибо Ксении Собчак: в своих публичных “Домах” она развратила целое поколение молодых людей.

Но русскому человеку некого винить в своих бедах – мы у себя дома, на своей земле, нас большинство. История любит сильных и быстро забывает слабых. Барин не приедет и не рассудит, русское “авось” уже не поможет.

Каждый народ – кузнец своего счастья, и нам следует почаще вспоминать эту истину, а не кидаться на спасение всего человечества. Оставим эту сверхзадачу Соединенным Штатам. Интересно, снесёт ли крышку с их “плавильного котла” и если да, то когда именно?!

* * *

Прочитав написанные выше рассуждения, мои неславянские знакомые-либералы раскритиковали их в пух и прах. Да, приведённая мной цифрирь верна, но это же не более чем статистическая погрешность!.. И что из того, что “националов”, получавших в советское время высшее образование, больше, чем русских?! “А что нам оставалось делать?! Другого пути выбиться в люди не было!” (Как будто русским детям не надо в люди выбиваться.) “Государствообразующий народ” перестал рожать? Тоже объяснимо: настала индустриализация, вслед за ней урбанизация, кои всегда ведут в демографическую яму. В конце концов, есть и стереотипы поведения, некая “судьба”, как у ненцев и чукчей; впрочем, скоро и славяне для китайцев будут “народом Севера”. Если русским досталась плохая доля – это их личная беда, неча на зеркало пенять...

Взгляд на национальные проблемы не может быть одинаковым у русского, татарина, чеченца, эвенка и пр. Хотя бы потому, что это естественно – иметь собственную точку видения, начинать отсчёт с себя, со своей нации. Картина мира у всех разная. Разглядывая политическую карту, мы привыкли, что Россия (прежде СССР) – в центре мироздания, самое большое государство. Между тем, если взглянуть на географический атлас, выпущенный в Австралии, то наше главенство и величие там вообще незаметны – отсчёт у жителей зелёного континента идёт с южного полушария. На политической карте мира, выпущенной в Китае, в центре – их собственная страна. То же – в США, Германии, Великобритании и пр.

Здоровое национальное чувство, тревога за судьбу родного народа – естественные эмоции. Правда, нерусских “ленинская национальная политика” приучила к тому, что главная задача славян – тащить воз интернационализма не взбрыкивая, поскольку “у пролетария нет Отечества”.

Была ли дружба народов в советское время? Соцреализм – это расцвет небывалой жизнерадостности, романтизма, устремления ввысь. Фонтан “Дружба народов” на ВДНХ, “Свинарка и пастух” в кино, гимны интернационализму в стихах и прозе – “Я хату покинул, / Пошел воевать, / Чтоб землю в Гренаде / Крестьянам отдать”. Этот оптимизм вполне объясним – скептики массово покинули Россию в годы гражданской войны, а уцелевшие оппортунисты и “недобитки” могли запросто оказаться в ГУЛаге. На таком чистом поле, свободном от “социальных сорняков”, действительно возникали цветы “новой морали”, взращивался “новый советский человек”. Но, по большому счёту, он оказался нежизнеспособным фантомом, лишенным почвы.

Русская литература XIX века дала два мощных философских древа (Толстой и Достоевский), очевидным образом повлиявших на судьбы страны и мира. А вот в “благополучном” XX столетии, когда для советских писателей

были созданы все условия для жизни и творчества, с новыми идеями возникли перебои. Прекрасных мастеров слова можно перечислять десятками, избирательная сила слова у многих художников достигла небывалых высот, но всё-таки главные мировоззренческие открытия принадлежат французским экзистенциалистам и латиноамериканским “магическим реалистам”. А что могла дать советская литература, если сверху всё заварено чугуновой крышкой марксизма-ленинизма, болванкой весьма эклектичного и схематичного учения?! “Улучшать” свод этих догм могли только первые лица государства, для всех остальных вольное толкование передовой философии грозило обернуться крупными жизненными неприятностями.

“Подумаешь, какие-то книжки-мыслишки! – скажет обыватель. – Нам-то что от них?! Какое счастье?” Но если нет идейной доминанты, то “клячу истории” и впрямь легко загнать до смерти. На исходе своего существования СССР очевидно находился в мировоззренческом тупике. Его крушение было неизбежным: 1) подкосила демография государствообразующего народа (“Боливар не выдержал двоих”); 2) узость марксизма-ленинизма парализовала духовное развитие общества. И тело, и душа русской государственности оказались во взаимном кризисе. Потому что история человечества есть не история борьбы классов, а добра и зла.

“Россия – колония США!” – кричит теперь на каждом углу депутат-единоросс Евгений Фёдоров. По его теории, везде – в госорганах, в Кремле, в правительстве, администрации президента – сидят предатели-компрадоры, и лишь героический царь-батюшка, почти Борис Годунов, борется с врагами – тайными госдеповцами и Лжедмитрием. Народ же, в основном, безмолвствует...

Разберём эту мыслеформу. Колония ли Россия? То, что наш Центробанк – всего лишь валютный обменник, филиал Федеральной резервной системы, известно всем. То, что Чубайс – “смотрящий за Россией”, открыто заявляют оппозиционные политики. То, что наша “элита” – их элита, откровенно признают американские аналитики. И всё же богатства России, её военный потенциал (ядерное оружие), уровень развития человеческого капитала ещё достаточно велики, чтобы в любой момент сбросить с себя нелестный статус. Присоединение Крыма как раз и стало шагом на этом пути. Но, признаем: в этой победе России больше “заслуг” Киева, чем реальной работы Москвы. Если бы не мужество и отвага севастопольцев, не было бы никаких “вежливых людей”, триумфального референдума и возвращения крымчан в Россию. Получается, что самые преданные наши государственники и патриоты были воспитаны в другой стране, на Украине. Ну, не парадокс ли?!

Но коренного поворота не происходит. Почему? Интересный вопрос! “Верхи” не могут или не хотят?

Россия – не колония в обычном смысле, пусть даже в нашей Конституции и закреплён приоритет международного права над внутригосударственным. Россия – колония духа.

Кремлёвцы и нацлидер совсем не антагонисты Запада. Напротив, они его горячие поклонники.

При всей хаотичности, противоречивости, временами абсурдности и нелогичности процессов, происходящих в России, всё-таки нельзя не видеть, что общий их вектор – последовательная деградация страны. Это касается и населения, его нравственного, культурного, интеллектуального, демографического состояния, и госуправления, сочетающего несочетаемое (коррупция и “борьба с коррупцией”; “закручивание гаек” и проведение “честных выборов”; повышение денежного содержания чиновникам и замораживание зарплат бюджетникам; сбрасывание всех сокобязательств на регионы и “имиджевые” стройки-кормления). Противоречивость властных решений слегка маскирует не только общий курс на деградацию, но и то, что этот процесс носит однозначно управляемый характер – как технологически, так и концептуально. И то, что на Украине дела обстоят ещё хуже, чем у нас – вовсе не утешение, а демонстрация в явном виде того, что происходит и в России. Просто «удар по краю», нанесённый Западом, оказался эффективней, чем «удар по центру».

Украина в некотором смысле спасла Россию – своей трагически-жалкой «революцией» она начертала тот сценарий, что при определённом стечении обстоятельств может развернуться и у нас. Это недвусмысленное предупреждение коррумпированному госаппарату – надо меняться, и побыстрее, власть дороже

золотых батонков. Тем более что Запад в кризисные минуты действует по принципу «падающего подтолкни» - за граница наших воров спасать не будет.

Украина – форпост православной русской цивилизации в Европе. Да, через неё проходит ментальный и религиозный разлом, но всё-таки большую часть постсоветского времени страной управляли элиты с Юго-Востока. И разве киевские управители делали что-то отличное от российских олигархов?! Ровно то же самое: занимались стяжательством, выводили деньги в офшоры, разлагали население либерализмом (с нацистским оттенком). У России просто существует запас экономической прочности – за счет нефтегазовых доходов, но это не значит, что “украинский сценарий” (он же – югославский, сирийский, иракский, ливийский и др.) нам не грозит. И вот почему: нами управляет не внутренняя общественная мысль, как бы куца и примитивна она ни была (например, концепция брежневского развитого социализма), а внешняя – гораздо более изощренная, сложная и мощная. У российских рулевых сугубо интеллектуальная, духовная зависимость от чужеземных рецептов (не всегда бескорыстных), колониальное сознание, новая “вера”, выросшая на почве вчерашнего интернационализма.

Вот этапы поступательного развития сей романтической идеи: даёшь победу коммунизма во всём мире! Даёшь в отдельно взятой стране! Даёшь в отдельно взятом классе – “элите”! История сделала круг. Общество вернулось к сословиям, к дичайшему неравенству, к “внешнему управлению”. Впереди – очередной тур игры в “три напёрстка”.

Именно в недрах советского культа (одним из руководителей журнала “Коммунист” был, как известно, Егор Гайдар) вызревала “прогрессивная” общественная идея – о невозможности построения коммунизма для всех, и о строительстве общества сверхпотребления для лучших (“элиты”). Путь к этой “модернизации” был взят из предыдущей общественной формации. Если учение диктатуры пролетариата призывало перебить или репрессировать все сопротивляющиеся “счастью” классы и сословия (дворян, буржуазию, духовенство, казачество, кулаков, часть интеллигенции, офицерства, чиновников и середняков), то “диктатура элиты” тоже не скрывала своего желания переморить тех, кто не вписался в рыночную экономику, – фраза Чубайса на этот счет хорошо известна.

В этом “пути к счастью” – очевидная духовная преемственность “отцов” и “детей”. Это “новый большевизм”, диктатура офшорного меньшинства против народного большинства.

Что ж, цель достигнута: 110 семей контролируют 35 процентов национального богатства России, – такой вывод сделали аналитики швейцарского банка Credit Suisse. Но разве нынешняя российская элита не такой же шарик в руках внешних напёрсточников-глобалистов, что и “авангард передового пролетариата” в 1917-м?! Единственное, что разрешается новой “верой” кремлёвцам – это полная свобода творчества в уничтожении, уморении и дебилизации собственного населения. Да, есть бонус – материальное сверхпотребление. Но истинная власть – власти, соединённой с народом, офшорная элита лишена с рождения.

Как ни пытаются пыжиться нынешние компрадоры, но они – типичные отщепенцы. Это – суррогатная элита, рождённая и выращенная вне смыслового ядра национального общественного организма. Она вся – коллективный Лжедмитрий. Или коллективный Иудушка Головлёв, извергающий потоки словесной патоки, пиара и примитивных поучений. Эта смесь ханжества, лицемерия и демагогии ошеломляет: духовные скрепы и гастарбайтеры, патриотизм и бизнес в офшорах, вздохи о державности и сатанизм на телеэкране, и т. д., и т. п.

Почему так? Разумеется, эти люди не верят в Россию, живут одним днём и при этом глубоко убеждены – им за то, что они делают – ничего не будет. Ни при жизни – это психология криминалитета, ни после смерти – потому что в Бога они не верят, несмотря на восстановление храмов, стояния со свечами, богослужения и т. п. Это не вера, а магия, “битва экстрасенсов”. Если они, ничтожные люди (чего в глубине души они не могут не ощущать), так возвысились и разбогатели, значит, сие “Богу угодно”. Отчего же не пожертвовать на храм, не поставить свечку?! Дабы эта “лафа” никогда не кончалась.

Но такая “вера” – хула на Бога. Православие связано с чувством родины и любви к людям, главное же содержание нового коммунизма для избранных – любовь к деньгам, к собственности, к чужому, к заграничному, и презрение, даже ненависть – к земле, к родному, к “быдлу”. Вот почему самое

страшное для нынешней элиты – ограничение её внешней свободы, лишение билета в “землю обетованную”, т. е. на Запад. Потому и новые санкции Запада после эпопеи с Крымом поразили кремлёвцев в самое сердце – ещё бы, их наказали духовные “доноры”, те, с кем они связаны ментально. Чужебские – любление всего чужого и ненависть к родному – генетическая болезнь нашей колониальной элиты.

Их “чувства верующих” оскорбляет глубинная мысль о том, что, может быть, религия денег, гедонизма, вседозволенности и наслаждений, которой они поклоняются – ошибочна. Потому что Бог зовёт к красоте, подвигу, самопожертвованию, а не к стяжательству и лжи. И если Он это попускает, то это ещё не повод воспринимать госворовство как благословение небес.

От прошлых богачей осталась только “позитивная” память – Третьяков, Мамонтов, Бахрушин – благотворители и меценаты. Нынешние нувориши, живущие одним днём, заинтересованы в том, чтобы мир умер вместе с ними.

Элита не имеет никакого проекта будущего, потому что временная вертикаль истории для этих людей разрушена. Они живут в настоящем, растекаясь по географической горизонтали – поездки по миру, недвижимость в Ницце и Майями. Для офшорников наступил и коммунизм, и конец истории.

* * *

Но, положа руку на сердце, ответим честно: могла ли нынешняя элита быть другой? В мире, человеческом общежитии, есть баланс добра и зла, нарушение которого неизбежно приводит к выравниванию “весов”. Так, поздний советский строй с его социальной справедливостью и целомудрием сминился разнузданными пороками и социал-дарвинизмом, словно бы социум стремился выровнять былую недостачу зла. История России похожа на гигантский маятник, который, качнувшись в одну сторону, делает движение в другую, достигая крайней точки. Потому есть что-то закономерное в том, что в стране, гордившейся справедливостью и братством, теперь дичайшее неравенство и распри между вчера ещё мирными народами.

Наша элита – есть прямое продолжение элиты советской, уцелевшей в горниле кровавых сталинских чисток. (Кстати, а где уверенность, что выжили – лучшие?) И разве офшоры и замки в Ницце – не есть реакция на советский “железный занавес”? Пусть непроговариваемая реакция, пусть уродливая и в нравственном смысле, и в правовом, формальном – но всё-таки реакция?!

Советская литература дала новые типические характеры: Павка Корчагин, Василий Тёркин, Иосиф Левинсон, Григорий Мелихов. Хороших и великих писателей было много, но развитие шло вширь, а не ввысь, как бывает с деревом, у которого срезают верхушку. Православие, метафизика запрещались как “опиум”, позволительный лишь одурманенным бабушкам. Везде насаждался новый культ – Мавзолей, памятники вождю мирового пролетариата, улицы имени Розы Люксембург и Клары Цеткин. Дети должны были последовательно проходить три стадии “крещения” в новую “веру” – приём в октябрята, пионеры, комсомол. Предполагалось “исповедование грехов”, воспитание “общинной” – социалистическим коллективом, и, в перспективе, принятие, для лучших, в новое жречество – компартию и номенклатуру, где был свой “моральный кодекс строителя коммунизма”. (Сейчас говорят о совпадении его “заповедей” с христианскими. Чудесно! Но зачем тогда нужно было разрушать “первоисточник”?! И кому это было выгодно?)

В соцреализме есть момент “дионисийского опьянения”, о котором пишет Карл Густав Юнг (переименования городов, энтузиазм, жертвенность). Юнг справедливо замечает, что “дионисийское переживание не может быть чем-то иным, кроме как возвратом к языческой форме религии”.

В чём идеология нынешнего правящего класса? Это причудливое соединение “клочков”, “фрагментов” от предыдущих “национальных идей” и “верований”. Тут и мысль о своей избранности, отсюда – бешеные зарплаты и “золотые парашюты”, и осколки “сталинизма” – Путин на ТВ появляется никак не меньше, чем Сталин в “Правде” в годы своего правления, и уваровская триада в виде дежурных богомолий первых лиц; но никакой целостной системы нет, есть судорожное, ситуативное накопление личных богатств, пиар и мечта о новом интернационале – интернационале воров и жуликов, сумевших

преступить нравственные заповеди. Значит, “право имеют”! Не то, что люди “второго сорта”.

Хаотичными, судорожными видятся и процессы, которыми “верхи” пытаются как-то сплотить общество, чтобы оно “в едином порыве” било земные поклоны нынешнему порядку вещей. Десталинизация идёт в ногу со словесной сталинизацией, призывы к демократизации соседствуют с диким барством, приступы богомолья ничуть не мешают телесатанизму и пр. Из огня да в полымя – за этой фрагментарностью, мозаичностью и метаниями элиты вырисовывается философия временщиков, кои никакой другой идеи, как съезд “здесь и сейчас”, просто не способны усвоить. Торжество материализма – “бытие определяет сознание”, всё по Марксу!

Идея “счастья народного” за счёт самого народа была провернута дважды – в 1917–1922 гг. и в 1991–1993 гг. с бессовестной лихостью. Революционеры 90-х не ехали к нам в запломбированном вагоне, они наши, доморощенные, у которых материалистическая идея “Бога нет – всё разрешено” достигла очередного исторического пика. Свою настоящую веру они воплотили в новом государственном устройстве и госуправлении, и нынешняя Россия – их идеал.

Разрушая СССР, новые революционеры вовсе не желали никакого возвращения к “истокам” – национальному самосознанию, национальному суверенитету и пр. Свобода совести? Действительно, с отпращиванием культа проблемы больше нет. Но какую религию насаждает элита? В душе своей новые преобразователи – стопроцентные протестанты. И веру они используют сугубо рационально – как “опиум” для большинства, духовный наркотик, усыпляющий газ, который действует параллельно с облучением безнравственностью на ТВ.

О возвращении к России исторической нет и речи. (Да это и невозможно.) Во всём лишь жалкая пародия на прошлое: введение “Героя труда” вместо “Героя Соцтруда”, название Волгограда по враздникам Сталинградом, “барин” Михалков, рассуждающий о самодержавии, и пр. Перед нами развитие секулярной, цифровой, материальной идеи – коммунизма для тех, кто “право имеет”, и халтурная маскировка этой затеи вчерашними, значимыми для общества, символами.

Возвращение к исторической России – это, между прочим, и “разбор полётов”, – разве не вестернизация и загнивание дворянской элиты привели к крушению империи? Разве не превращение церкви в “департамент” по протестантскому образцу умножило ханжество и неверие? Разве не равнодушие Николая II приблизило к печальному концу его правление?

Выхолащивание православия, слабость национального самосознания, трагедия русской классической философии – и вот печальный результат. На материальной идее Россия продержалась 70 лет, соорудив культ светлого будущего. Интересно, а на этой идее – ультра-материалистической, сколько мы протянем?! Ну, явно, не семь десятков...

Даже идея “золотого миллиарда” – избранной расы, правящей миром, более гуманна, чем “повестка дня”, которую формирует наша элита. Это идея “расчеловеченных людей”, лишенных сантиментов и привязанностей. Всегда, во все времена, это был верный путь к господству (“тварь я дрожащая или право имею?”), но никогда ещё решение проблем за счёт своего народа не было столь наглядным.

Элитные люди устраивают страну по собственному образу и подобию: главврач должен получать в 10 раз больше врача, ректор – в 10 раз больше преподавателя, директор школы – в 10 раз больше учителя и пр. Главврачу, ректору и директору платят не за профессионализм, а за лояльность системе. То есть у людей покупают остатки совести. В идеале нация должна состоять только из лояльных, а все остальные – избыточное население, которое можно и нужно заменять одноразовыми гастарбайтерами или сломленными рабами, согласными с “правилами игры”.

Внуки большевиков-интернационалистов, не знающих сантиментов атеистов, отщепенцев от народа, они убедились, что идея – не гарант, нация – не гарант, государство – не гарант. Гарант – это кошелёк.

Современная Россия – полигон, испытательная площадка для апробирования в действии постгуманизма, выстраивания человеческой иерархии по денежному достоинству. Идея, можно сказать, “цифровая”, потому что офшорные богатства, это, в сущности, цифры, которые легко обнулить. А вот ресурсы, вывезенные из страны, отнятые у граждан России, – вполне реальны.

И всё-таки русская государственность, израненная, изъязвлённая, униженная — всё ещё жива. Она похожа на гигантское, неповоротливое животное, на мамонта, которого охотники гонят в яму.

Не каждому, даже очень отважному и даровитому народу удаётся создать национальное государство. А на имперское строительство и вовсе способны единицы. А вот русский народ, “жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы” (Николай Чернышевский), создал огромную державу, которая в XIX веке простиралась аж на три континента — Европу, Азию, Северную Америку.

Тем, кто вслед за Владимиром Лениным считает, что государство — это никакая не ценность, а лишь машина для подавления трудящихся, стоит посмотреть, допустим, на евреев. Зачем, казалось бы, “богоизбранному народу”, непревзойденному мастеру создания финансовых империй, Израиль?! Да ещё в таком недружественном окружении?! Но — “земля обетованная”! Этим всё сказано: люди пока ещё не придумали лучших форм общезжития, чем семья и государство. И обе эти общности требуют от человека в определенные моменты истории самоотречения, жертвенности и даже героизма. Потому что государство — продукт не только материальной, но и духовной жизни народа.

Лицом к лицу лица не увидать: ценность государства осознается только в моменты его крушения. 1917 год, гражданская война, эмиграция — миллионами жизней было заплачено за крушение Российской империи. Заметим, преимущественно русскими жизнями. Результат? Очевидное демографическое и интеллектуальное ослабление страны, отпадение ряда территорий. 14 иностранных государств приняли участие в интервенции и уже поделили между собой богатства России. Они тоже нам “хотели добра”? “Демократизации”? Прав человека? Мечтали о процветании России?!

Государство являлось ценностью для большинства населения СССР — народ проголосовал на референдуме за сохранение Союза. Но для высших руководителей страны “приоритеты” были другие — личная власть, геростратова слава и частная собственность на то, что создавалось трудом поколений. И вновь за развал государства было заплачено миллионами жизней, территориальными потерями, деградацией экономики. Кто выиграл в результате? Китай, Турция, Европа, Япония, США — да весь мало-мальски “цивилизованный мир”! Одни поживились на наших ресурсах, другие приобрели новые рынки сбыта. А что получил народ?! Многолетнее телезомбирование.

Суть постсоветской эпохи — борьба с идеальным и выставление идеально-го как подделка, симулякр. Идеальное в путинскую эпоху невозможно: у иерархов — дорогие квартиры, часы и “троюродные сёстры”, у народа на уме пьянство, похоть и зрелища — потому ему надо показывать тупые сериалы, олимпиаду и сеансы колдунов. Идеализм, как сознательное самоограничение, всячески третируется — потому что он и есть главный враг системы. Никакой классической музыки, никакого высокого искусства, никакого героизма во имя государства — только Сердюков, государственный гимн от Григория Лепса “Гоп-стоп, мы подошли из-за угла” и полёты со стерхами. Всё, финал!

Впрочем, Запад тоже жертва наперсточников. Вот результат развития “левой”, социалистической идеи по-европейски: народу предлагается свобода тела вместо свободы духа. Свобода распоряжаться своей сексуальностью становится идеей-фикс, подменяя истинные ценности. “Голубой проект” такая же очистка от населения, как и прямое его истребление.

Умаление идеального — Бога — в России и на Западе шло разными путями. Под каждый строй — свой рецепт.

А что же “новые люди”, нигилисты, оппозиционеры? Что они могут противопоставить глобалистам-космополитам? Патриотизм, самоотверженность, иностранных агентов? Любовь к родине, к Богу, пляску на амвоне? Честные выборы и одобрение расстрела парламента в 1993-м?

Удивительное дело: революционное чувство новых людей питается ненавистью. Почему не любовью, если они хотят всех осчастливить?! Новые реформаторы предлагают вместо государства систему сервисов по “предоставлению услуг”. Но разве это не банализация идеи, не подыгрывание глобалистам?

Сопротивляется процессу убиения государства только народ. Посему в его процветании и даже существовании не заинтересована ни либералы во власти, ни либералы в оппозиции. Обе стороны напряженно думают, как бы народ

сократить и кем его заменить. Для этих целей годится и торговля детьми (спор идёт только по “принципиальному” вопросу — продавать ли сирот в Европу за евро, или в США — за доллары?!), и массовый завоз азиатско-азиатских гастарбайтеров, и разложение общественного сознания ложью. Нигилисты не скрывают своих грез — расчленив Россию на штаты, а многие госчиновники давно уже работают в стране вахтовым методом: их родина — “прекрасное далёко”. А “эта страна”... Она создана для идеологических пинков и для высасывания из неё материальных ресурсов.

“Жалкую нацию”, которая тянет на себе олигархическую свору, космополитические медиа, чекистское чиновничество просто-напросто хотят лишиться её дома — т. е. государства. Используются разные методы: и обещания, какая хорошая жизнь настанет, когда мы отделим Северный Кавказ, и рассказы о том, что “за морем житьё не худо”, и ежедневное внушение комплекса неполноценности.

Эти “лузеры”, “неудачники”, “быдло”, облученные ТВ, задушенные ипотеками, загнанные в прокрустово ложе платных услуг, это послушная биомасса, терпящая любые выкрутасы власти, откровенное глумление, вроде амфор со дня морского, поражает своим терпением. Но это не признак глупости, покорности или смирения, это свидетельство ответственности за страну, большего государственного чувства, чем у официальной саранчи.

Новомучениками торится путь к новой жизни — сгоревшими в домах престарелых и интернатах, утонувшими в Крымске, разбившимися в ДТП...

Идеала никогда не будет. Но жить с тревожным ощущением крушения государства — невозможно. Народ с искаженной духовной основой начинает убивать сам себя.

Что же делать? Глупо требовать от нашей власти ума — самые умные идут в науку. Бесплезно требовать нравственности — совестливые нужны в храме, исполнительные — в армии и т. п. Но чего мы можем требовать от власти, так это любви или хотя бы почитания. Потому что власть — это наше дитя.

Но вправе ли мы рассчитывать на высокие сыновьи чувства от суррогатного, зачатого от марксизма-ленинизма-троцкизма-глобализма ребёнка?!

Народ должен воспитывать власть в государственном духе, а за воспитание в обществе отвечает интеллигенция.

Так не пора ли возвращаться: от свободного секса к семейной жизни, от материального — к идеальному, от глобализма — к патриотизму, от бессмыслицы — к самосознанию.

Это вопрос не риторический, а практический — постсоветский период в истории России закончился присоединением Крыма и угрозой новой большой войны. К грядущим испытаниям страна подошла с ослабленным народом, антinationальной элитой, зависимой от Запада экономикой и пораженной вирусом либерализма интеллигенцией. Так получается, что Россия никогда не готова к большой войне: будь то Отечественная 1812-го, Крымская война, Первая мировая или Великая Отечественная. Эта мобилизационная растерянность всегда оборачивается для нас большими жертвами, иногда — уничтожением государственности.

На сегодня наше самое слабое место — именно элиты, вживляющие в общественный организм чуждые теории и действующие, по сути, антinationально. Самобытность цивилизации по имени “Россия” до сих пор ими не осмыслена и не усвоена, наша страна воспринимается правящим классом как “недоразвитый Запад”, и потому самоубийственный безнациональный идеал манит их по-прежнему: в самом деле, не могут же они переменить свои мнения в одночасье! Тем более, что линию поведения им диктует стяжательский инстинкт, который, пожалуй, у наших либералов посильнее полового.

Смена элит — дело долгое и непростое, а значит, за выход из лабиринта постгуманизма Россия заплатит высокую цену. “Организует не личная добродетель, не субъективное чувство чести, а идеи объективные, вне нас стоящие, прежде всего, религия”, — говорил Константин Леонтьев. Что могло бы примирить крестьянина и чиновника, предпринимателя и учителя?! Только понимание смысла истории, общих нравственных заповедей. Значит, нужна глубокая, планомерная, продуманная культурная работа.

Другое дело, что времени для неё у России фактически нет...